

В.А. Ильиных
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПЛАНЫ СИБИРСКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
СЕРЕДИНЫ 1920-х гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АГРАРНЫХ И
КООПЕРАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПЕРИОДА НЭПА

В середине 1920-х гг. земельными органами Сибири были разработаны и частично опубликованы перспективные планы восстановления и развития сельского хозяйства в целом¹ и его отдельных губерний – Омской, Алтайской, Томской, Иркутской и Енисейской². Большинство из этих документов достаточно активно использовалось в трудах сибирских историков-аграрников 1960—1980-х гг.³, во-первых, как ценный источник по истории сельского хозяйства региона⁴, а во-вторых, как источник изучения идеологической борьбы «на аграрном фронте»⁵.

В связи с тем, что в перспективных планах не ставила задача борьбы с кулаком и коллективизации крестьянских хозяйств, их авторы, с начала 1930-х гг. получившие ярлык «кондратьевцев»⁶, в советской историографии однозначно определялись как «идеологи и защитники» сибирского кулачества. При этом подчеркивалась идейно-теоретическая вторичность вышеуказанных плановых разработок одновременно по отношению к концепциям и Н.Д. Кондратьева, и А.В. Чайнова. В то же время, несмотря на наличие у Н.Д. Кондратьева и А.В. Чайнова общих взглядов (признание приоритетности аграрного развития над индустриальным, отрицание необходимости массовой производственной коллективизации и др.), по ряду принципиальных положений их концепции существенно друг от друга отличались.

Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко и другие экономисты-прагматики являлись сторонниками фермерско-капиталистического пути развития сельского хозяйства, считая социальную дифференциацию крестьянства процессом естественным и, более того, позитивным. В наиболее состоятельных крестьянских (фермерских) хозяйствах, по их мнению, достигается более высокая производительность труда, товарность и степень накопления капитала. В них интенсивно формируются финансовые ресурсы, которые используются их владельцами для интенсификации производства. Из крупных хозяйств можно в известных пределах черпать ресурсы как для материальной помощи беднейшим слоям деревни, так и для развития промышленности. Что же касается бедноты, то она создает надежную базу для пополнения рядов сельскохозяйственных и промышленных рабочих, что также необходимо для развития народного хозяйства⁷.

А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев и другие представители так называемого организационно-производственного направления аграрной науки были адептами теории аграрно-кооперативного социализма и к капиталистическому расслоению (раскрестьяниванию) деревни, напротив, относились отрицательно. С их точки зрения, наиболее устойчивой, общественно-значимой и социально справедливой формой организации сельхозпроизводства являлись не крупные фермерские, а семейно-трудовые (не использующие, как правило, наем рабочей силы) крестьянские хозяйства. По мере вовлечения в товарное производство подобные хозяйства объединяют (кооперируют) свои усилия по осуществлению тех операций аграрно-производственного цикла, выполнению которых в рамках каждого из них неэффективно. Это сбыт, снабжение, переработка, мелиорация, семеноводство и т.п. На этой базе создаются соответствующие специализированные (по терминологии А.В. Чайнова, «вертикальные») кооперативы. Кооперированию не подлежат лишь непосредственное выращивание сельскохозяйственных культур и животных. Данные отрасли должны всецело остаться в рамках индивидуального крестьянского хозяйства, поскольку их кооперирование (т.е. создание полных производственных, или «горизонтальных», кооперативов) нецелесообразно и неэффективно. Более того, производственная коллективизация, которая ликвидирует семейно-трудовые хо-

зяйства, ведет к своеобразному раскрестьяниванию деревни, несущему негативные социальные последствия и для сельского хозяйства, и для страны в целом. Идеальную же форму будущего аграрного устройства России теоретики организационно-производственной школы видели в сочетании семейно-трудовых хозяйств с их всесторонним и комплексным кооперированием по вертикальному принципу.

Говоря о будущем сельского хозяйства страны, А.В. Чаянов писал: «Это лучшее будущее рисуется нам как полное переустройство нашего земледелия. Уже наметившиеся в наши дни кооперативные начинания, несомненно, будут развиваться дальше и дальше, захватывая и организуя в высших формах общественного кооперативного производства новые и новые отрасли сельского хозяйства. Постепенно эти кооперативные начинания из вспомогательных предприятий настолько мощно разовьются, что превратятся в главную форму сельскохозяйственного производства, введя начало крупного производства и механизации всюду, где они могут выявить свои преимущества. Тогда перед нами вырастает новая, невиданная доселе форма земледелия, построенная на принципе обобществления, совершенно техники и научной организации производства»⁸.

Указанная выше терминологическая путаница (отнесение методологических основ сибирских перспективных планов к двум противоположным концепциям) связаны не столько с господствующей до начала 1990-х г. в советской историографии официальной парадигмой, сколько с недостаточным содержательным и источниковедческим анализом рассматриваемого нами комплекса документов. В связи с этим в настоящей статье делается попытка исправления данного упущения. Основное внимание при этом уделяется восстановлению истории разработки перспективных планов. Помимо выявления их идейно-теоретических источников, это позволяет решить и ряд чисто источниковедческих проблем.

Обращение к перспективному планированию в начале 1920-х гг. исходило как из большевистских установок на внесение плановых начал во все отрасли экономики, так и из осознаваемой в общественной практике, по мере успехов восстановительных процессов на базе нэпа, необходимости выбора модели будущего развития страны. Непосредственное же начало разработки перспективных сельскохозяйственных планов в Сибири и других районах страны было положено в циркуляре Народного комиссариата земледелия РСФСР (НКЗ) от 18 августа 1923 г., к которому были приложены «Методологические требования Наркомзема к составлению перспективных планов». 8 августа 1924 г. по тому же поводу был разослан второй циркуляр НКЗ с приложением новой инструкции по их разработке и «Основных положений перспективного плана»⁹. В этих документах конкретизировались и уточнялись задачи и методика, предложенные в предшествующем циркуляре. В том же году в Москве были опубликованы разработанные в плановом отделе Наркомзема «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства»¹⁰, которые на местах также воспринимались как своеобразный инструктивный документ.

Положения к вышеуказанным директивным документам НКЗ и «Основы перспективного плана» составлялись либо непосредственно ведущими учеными-аграрниками из организационно-производственной школы, имеющими достаточно высокий авторитет среди основной массы специалистов земельных органов и части партийно-хозяйственной номенклатуры¹¹, либо под их сильным идейным влиянием. В данных документах указывалось, что и в ближайшем, и в более отдаленном будущем исходить из необходимости производственной коллективизации нереально и нецелесообразно. Ставка должна быть сделана на господствующую форму аграрного производства – крестьянское хозяйство. Поступательное развитие сельхозпроизводства может быть достигнуто только через повышение его товарности и доходности. В связи с этим авторам

перспективных планов в регионах России рекомендовалось разработать в них комплекс мер, обеспечивающих данные условия.

Рост доходности крестьянских хозяйств мог быть обеспечен путем выбора наиболее товарной для данной местности специализации, применением новых более интенсивных технологий и технологических приемов ведения растениеводства и животноводства, оптимизацией внутренней производственной структуры хозяйств. При этом особое внимание в указанных документах уделялось методике построения оптимального крестьянского хозяйства. Его размеры и внутренняя структура предлагались в качестве эталона для абсолютного большинства хозяйств данного региона.

Организационно-технологическая перестройка крестьянских хозяйств возможна только в условиях их объединения в различные виды специализированных кооперативов. Государство должно всемерно содействовать этому процессу, проводя политику (по терминологии А.В. Чаянова) «кооперативной коллективизации». Кроме того, задачами государства и его местных органов должны стать как создание благоприятных общеэкономических условий для поступательного развития аграрного производства (поддержание выгодного для деревни соотношения сельскохозяйственных и промышленных цен, умеренное налогообложение, организация экспорта и т.п.), так и оказание масштабной и комплексной организационно-финансовой помощи крестьянским хозяйствам (организация машиноснабжения, развитие и удешевление кредита, землеустройство, создание системы агрономического и зооветеринарного обслуживания и т.п.) и крестьянской кооперации.

Естественно, что более подробно концепции, методологические подходы и методические выкладки ведущих представителей организационно-производственной школы излагались в их собственных трудах, широко публиковавшихся в первой половине 1920-х гг. Эти работы также использовались на местах при разработке перспективных планов¹². В Сибири наиболее видными проводниками идей А.В. Чаянова, А.Н. Челинцева и др. теоретиков организационно-производственной школы были ведущие специалисты краевых земельных и плановых органов И.И. Осипов (зав. отделом сельского хозяйства Сибзема и главный агроном края), В.Е. Максимов (зав. отделом землеустройства), А.М. Розе, С.С. Марковский, И.С. Шилдаев, И.М. Жуйков, П.Я. Гуров (зав. сельхозсекции Сибплана). Их предложения по перспективам сельского хозяйства региона пользовались полной поддержкой уполномоченного НКЗ по Сибири – заведующего Сибземуправлением, большевика с дореволюционным стажем П.А. Месяцева, бывшего в начале 1920-х гг. заместителем наркома земледелия РСФСР.

Сибирское земельное управление, получив циркуляр НКЗ от 18 августа 1923 г. с приложением, переадресовало его в губземуправления. На основе данного документа в Омском губземе под руководством его заведующего А.М. Розе была составлена программа составления перспективного плана. Программа эта была рассмотрена на краевом совещании земельных работников в ноябре 1923 г. и принята за основу разработки сибирских погубернских планов. 19 ноября программа была одобрена Сибпланом, а в феврале 1924 г. разослана по губерниям¹³.

Первый перспективный план был составлен и опубликован в Омске. В июне 1924 г. вместе с переведенным сюда на должность зам. губземом А.М. Розе Омский план появился в Барнауле. Уже через два месяца на основе его общих схем и под руководством А.М. Розе был написан местный план¹⁴. Оба плана состояли из трех частей. Первая часть открывалась описанием современного состояния сельского хозяйства соответствующей губернии. Затем шли организационные схемы среднего крестьянского хозяйства на момент написания плана и оптимального хозяйства, построением которого должно было завершиться выполнение перспективного плана. Организационные схемы составлялись для трех природных зон в Омской и Алтайской губерниях. Далее описы-

вались довоенный, современный, переходный (через пять лет после принятия перспективного плана) и завершающий (после его выполнения) погубернские балансы сельского хозяйства. Последние два баланса выполнялись исключительно на основе организационного плана оптимального крестьянского хозяйства. В связи с перспективными балансами в первой части планов поднимался вопрос об организации переработки и вывоза сельскохозяйственного сырья, полученного от перестроенных хозяйств сельских товаропроизводителей.

Завершался данный раздел изложением основных направлений государственной и региональной политики в сфере налогообложения, кредитования и кооперирования деревни. В нем прослеживался отказ от так называемой классовой линии в аграрной политике, заключавшейся в ограничении роста зажиточных хозяйств и «фаворитизации» бедноты, снижении налогового бремени и налоговой прогрессии, увеличении инвестиций в сельское хозяйство и всемерной поддержке всех видов крестьянской кооперации. Во второй части планов давался перечень конкретных мероприятий по землеустройству, агрономическому и зооветеринарному обслуживанию деревни. Третья часть была посвящена перспективному планированию лесного хозяйства и лесоустройства.

Ряд губернских земуправлений игнорировал разосланную в качестве образца омскую программу составления перспективного плана и начал плановую работу на основе собственных методик. Так, целью Енисейского плана было лишь восстановление, а не дальнейшее развитие сельского хозяйства губернии. Рассчитывался он в связи с этим лишь на 10 лет (Омский и Алтайский планы – на 20 лет) и в нем отсутствовали организационные схемы оптимального крестьянского хозяйства. План состоял из трех частей. В первой давался анализ современного состояния сельского хозяйства губернии, во второй – перечень конкретных мероприятий органов губземуправления, направленных на стимулирование и регулирование аграрного производства, в третьей – план землеустроительных работ.

Одним из основных идеологов и составителей Енисейского плана был известный красноярский ученый-агроном, заведующий отделом сельского хозяйства губзема Б.В. Окушко. Об этом можно судить (авторство в источнике не указывается) на том основании, что при написании плана использовались его статьи «Общая характеристика сельского хозяйства в Енисейской губернии», «Сельскохозяйственный продуктовый запас различных типов хозяйств и общерасходная часть бюджета полеводства по типам хозяйств» и «Формации полеводства». Кроме того, в основу данного документа были положены материалы 2-го Енисейского губернского агросовещания, материалы секции районирования при Енисейской губернской плановой комиссии «Разделение губернии на экономические районы», отчеты, сметы, производственные и перспективные планы сельскохозяйственного, землеустроительного, мелиоративного, лесного и ветеринарного отделов губзема¹⁵.

Подобная инициатива с мест вызвала неудовольствие Сибзема, разославшего 15 октября 1924 г. по губземам циркуляр, подтверждающий свои прежние решения. В нем, в частности, говорилось: «Чтобы разнообразие по методологии планов не нарушало целостности общесибирских планов, и считая, что перспективные планы Омского и Алтайского губземуправлений образцовые, Сибземуправление категорически предлагает при составлении перспективных планов отнюдь не отступать от общих принципов методологии, заложенных в разосланную программу»¹⁶. К циркуляру прилагались тексты Омского и Алтайского планов. Кстати, подписал его, но уже в ранге заместителя заведующего Сибирским земуправлением, все тот же А.М. Розе.

В целом данные указания были реализованы в подготовленных в 1925 г. Томском и Иркутском перспективных планах. Реализация последнего была рассчитана как минимум на 30–40 лет. Напротив, в Омском плане, несмотря на присутствие организацион-

ных схем оптимального крестьянского хозяйства, конкретные мероприятия земельных органов доводились лишь до 1930 года.

Параллельно с составлением перспективных планов на местах велась работа над общесибирским планом. Общее руководство ею осуществлял П.А. Месяцев. Непосредственная же подготовка плана была возложена на комиссию в составе заместителя заведующего Сибзема И.И. Скороспешкина и его ведущих специалистов И.М. Жуйкова, С.С. Марковского, В.Е. Максимова, И.И. Осипова и И.С. Шилдаева. Основные положения общесибирского плана обсуждались на всевозможных совещаниях работников сельского хозяйства и в периодике¹⁷. Окончательный вариант первых двух частей плана появился в конце 1925 г. и был опубликован в 1926 г.

В целом схема общесибирского плана соответствовала схеме Омского и Алтайского планов. Однако говорить о простом повторении в данном случае нельзя. Планы Омского и Алтайского губземов были признаны образцовыми, потому что их исполнение практически полностью совпадало со взглядами руководителей и ведущих специалистов Сибземуправления – авторов общесибирского плана. Более того, А.М. Розе при работе над соответствующими планами опирался на более ранние разработки И.И. Осипова, С.С. Марковского и др.

Первый том-выпуск общесибирского перспективного плана, в котором наряду с кратким, но емким историческим экскурсом давалась подробная характеристика производительных сил аграрного сектора экономики региона, состоял из следующих разделов: природные условия (как общая, так и порайонная характеристика); население (численность и плотность, городское население, состав сельского населения, грамотность, промыслы и несельскохозяйственные заработки); землепользование (общая территория, земли трудового использования, неудобные земли); земледелие (приемы, использование земельной площади, пашня, пар и залежь, посевные площади, пропорции культур, нормы высева и урожайность); животноводство; мертвый инвентарь; труд в сельском хозяйстве (контингент труда и его использование, наемный труд); расслоение крестьянства; капиталы в сельском хозяйстве; доходность; кризисные явления в современном сельском хозяйстве. Широта и содержание анализа позволяет с полным основанием определить данный выпуск как энциклопедию сельского хозяйства Сибири периода нэпа. Ни до, ни после этого столь уникальных изданий в регионе не предпринималось.

Второй выпуск содержал собственно перспективный план. Во введении к нему обрисовывались основные контуры будущей модели аграрного производства. Аграрная сфера мыслилась основой народного хозяйства региона, поскольку «Сибирь является исключительно сельскохозяйственным районом, где приложение капитала в сельское хозяйство дает наивысший экономический эффект в отношении увеличения товарной продукции»¹⁸. Ставка делалась на преимущественно экспортный характер сельхозпроизводства (прежде всего производство животного масла). При этом «в силу слагающейся конъюнктуры Сибирь станет одним из крупных потребителей промтоваров»¹⁹.

Интенсивное развитие производительных сил сельского хозяйства должно вызвать рост крестьянской кооперации. Авторы плана осторожно, чтобы не получить обвинения в антимарксизме, но достаточно твердо отвергали необходимость коллективизации деревни: «Придавая чрезвычайно важное значение коллективным формам сельскохозяйственного производства и учитывая растущую при этих формах производительность труда и возможность более рациональной организации хозяйства, все же Сибирское краевое земельное управление базируется в основе на существующих и господствующих ныне формах массового крестьянского хозяйства, так как трудно пока предугадать темп и время перехода массового крестьянского хозяйства к этим совершенным формам»²⁰. Таким образом, основным объектом воздействия сибирских земельных органов

становились индивидуальные крестьянские хозяйства, каждое из которых предполагалось довести до оптимального организационно-хозяйственного размера. Этот процесс должен был длиться около 25 лет.

В первом разделе перспективного плана описывались общеэкономические условия, необходимые для поступательного развития аграрного производства. Главные из них – установление выгодного для деревни соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен и снижение тяжести налогообложения крестьянства. Причем средства, «изъятые по необременительному налогу», должны в первую очередь рационально расходоваться «на мероприятия по укреплению и развитию сельского хозяйства»²¹.

Большую часть текста перспективного плана занимали восемь (по числу выделяемых природно-географических районов края) подробнейших схем организации оптимального крестьянского хозяйства. На их базе были составлены порайонные и общесибирский балансы аграрного производства, достичь уровень которых предполагалось к началу 1950-х гг.

Организационные схемы оптимальных крестьянских хозяйств в общесибирском плане, а также Омском, Алтайском, Томском и Иркутском планах для всех природно-географических районов строились на основе травопольных севооборотов. Необходимость перехода к травопольной системе земледелия, в которой повышение плодородия почвы достигается за счет крупномасштабного (до 50% пашни) внедрения в севообороты посевов однолетних и многолетних трав, обосновывалась, прежде всего, проявляющимся в снижении плодородия и урожайности кризисом господствующей в регионе залежной системы и ее постепенной эволюцией к безнадежно к тому времени устаревшей трехполке. Кроме того, травополье содействовало решению кормового вопроса и, соответственно, переходу к более товарной, по мнению разработчиков перспективных планов, отрасли сельского хозяйства – молочному животноводству.

Следует отметить, что в сельскохозяйственной науке того времени существовали альтернативные взгляды на перспективы сибирского земледелия. Сомнения в целесообразности широкого внедрения травополья высказывались на ряде крупных совещаний руководящих работников сельского хозяйства края в середине 1920-х гг.²² Критика точки зрения сибирских специалистов дана также представителем НКЗ агрономом А. Котовым²³ и ведущим специалистом НКЗ А.Н. Челинцевым²⁴. Оппоненты «травяного шаблона» считали, что в различных районах Сибири возможно применение разных систем земледелия. Для черноземной зоны ими предлагалась рационализация существующей системы путем введения в севооборот культурных паров и пропашных культур при сохранении определенного процента залежи, т.е. постепенная эволюция залежной системы в паро-залежную.

Тем не менее сторонники повсеместного внедрения травополья реагировали на критику в свой адрес весьма болезненно. Пользуясь своим служебным положением, они не допускали появления в сибирской сельскохозяйственной периодике публикаций с иной точкой зрения. Для отстаивания своей позиции ими посылались (в целом безрезультатная) делегация в НКЗ²⁵. На весеннем (1926 г.) земельном совещании П.А. Месяцев, ссылаясь на инициированное им постановление Сибкрайкома ВКП(б) о необходимости перехода к травополью в масштабах всего региона, требовал безусловного прекращения всякой дискуссии по данному вопросу²⁶. Да и неприятие ведущими специалистами крайземуправления Енисейского перспективного плана было связано не столько с его несоответствием методическим указаниям НКЗ, сколько с тем, что в нем не нашлось места травополью.

Столь подробное освещение дискуссии по травополью в данной статье объясняется тем, что в общесибирском перспективном плане и в оригинальных трудах его разработчиков нами были обнаружены некорректные выводы из статистических данных.

И.И. Осипов для доказательства кризиса залежной системы взял показатели средней урожайности зерновых по Омской губернии, начиная с 1905 г., и сделал вывод о ее падении в каждое последующее пятилетие, особенно проявившееся в четырехлетку 1920—1923 гг.²⁷ Однако непредвзятый анализ материалов статистики²⁸ показывает, что урожайность пятилетия, идущего до 1905 г., ниже, чем в 1905—1909 гг. и вполне сравнима с показателями 1915—1919 гг. Урожайность в 1915—1919 гг., а особенно в 1920—1923 гг. в большей мере определялась внешними факторами.

Тем не менее данное обстоятельство не дает оснований для сомнений в надежности приводимого в перспективных планах фактического материала. Речь идет лишь о некорректной системе доказательств. сравнение количественных данных, помещенных в планах с аналогичными материалами из других типов источников, позволяет сделать вывод о высокой степени их достоверности и подтверждает общепринятую в отечественной и зарубежной историографии точку зрения о высоком качестве российской статистики периода нэпа.

Переход к многопольным севооборотам в рамках традиционной многодворной сибирской общины был затруднен. Помехами для этого являлись возможность передела крестьянских наделов, их чересполосица и отдаленность от деревни. Выходом из подобного положения, по мнению авторов Перспективного плана, было расселение общины на мелкие поселки, оптимальные размеры которых составляли от 10 до 30 дворов в зависимости от местных природно-географических условий. В рамках поселков крестьяне должны были получить постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения. Кроме того, они объединялись в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельскохозяйственные машины – многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т.п. Более сложная сельхозтехника сосредоточивалась на кооперативных прокатных пунктах. Менее же сложный сельхозинвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т.п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

Существенное место в Перспективном плане было отведено кооперации, которая должна была сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства. Сельская кооперация, во-первых, облегчает вовлечение индивидуальных крестьянских хозяйств в плановую работу, а во-вторых, «становится революционизирующим фактором быта и психологии крестьянства». Основным направлением развития кооперации должна стать ее специализация. Так, если во время составления Перспективного плана сельскохозяйственная кооперация (кредитная) одновременно выполняла ссудные, товаропосреднические, сбытовые, агрикультурные и производственные функции, то в будущем каждая из этих операций должна была быть передана отдельным видам кооперации. В итоге сибирские крестьяне становились, помимо поселковых, членами кредитных, специализированных закупочно-сбытовых, перерабатывающих (прежде всего маслодельческих), мелиоративных, машино- и товароснабженческих, специализированных семеноводческих и племенных и т.п. кооперативов.

Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными друг с другом в полном соответствии с теорией кооперативной коллективизации, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона занимали коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, должны были специализироваться на семеноводческой и племенной работе. Последние функции возлагались и на совхозы. Помимо этого, они должны были заниматься коневодством для армейских нужд и мериносовым овцеводством.

Помимо двух первых выпусков перспективного плана, предполагалось, но не было реализовано издание отдельными выпусками перспективного плана развития лесного хозяйства Сибири пятилетнего плана мероприятий земельных органов края. Наибольший интерес из них представляет пятилетний план. Однако обнаружить его в архивохранилищах не удалось²⁹. Тем не менее основное его содержание, по нашему мнению, вполне подлежит реконструкции. Прежде всего пятилетний план должен был содержать в себе перечень мероприятий, основной целью которых должна была стать промежуточная реализация модели аграрного производства, разработанной в перспективном плане. Кроме того, как и в случае с последним, основные идеи пятилетнего плана должны были в течение некоторого времени апробироваться на совещаниях земельных работников и в прессе.

Травопольные севообороты как основа организационно-технологической перестройки сельского хозяйства могли внедряться лишь единовременно и комплексно³⁰. Сделать это одновременно для достаточно большого числа крестьянских хозяйств не представлялось возможным прежде всего в силу недостатка сил и средств у земельных органов региона³¹. Кроме того, проживали сибирские крестьяне в основном в многодворных общинах. Следовательно, первым этапом перестройки аграрного производства должно было стать расселение общины на мелкие поселки (выселки). Именно эта задача была сформулирована главным землемером края В.Е. Максимовым в качестве приоритетной для землеустроителей региона на их I краевом съезде в феврале 1926 г. При этом землеустроители обязаны были побудить крестьян разделить сельхозугодья внутри поселкового землеотвода на постоянные отруба³².

С целью концентрации имеющихся сил и средств на комплексную перестройку крестьянских хозяйств специалисты сибирских земельных органов предлагали так называемый «гнездовой» метод агрообслуживания. При гнездовом методе в пределах сельского района выбиралось 1–2, максимум 3 выделенных из общины и компактно расположенных поселка – «гнездо». В его рамках должен был проводиться одновременный согласованный комплекс мероприятий (землеустройство, кредитование, агрономическая и зооветеринарная помощь, снабжение семенами, машинами, кооперирование и др.) по реорганизации крестьянских хозяйств. На работе в «гнезде» сосредоточивались все наличные силы специалистов сельского хозяйства. Конечной целью работы был подъем всех хозяйств до оптимального уровня³³.

Гнездовой метод агрообслуживания в качестве дополнения к массовому был впервые официально принят в Сибири на V земельном совещании в 1924 г. В конце 1925 г. в имеющих директивный характер тезисах Сибкрайземуправления к окружным земельным съездам этот метод был назван основным. В резолюции I-го краевого агрономического съезда по докладу И.С. Шилдаева признавалось «необходимым, чтобы участковая агроработа строилась в дальнейшем главным образом на основе гнездового метода»³⁴.

Естественно, что земорганы, сосредоточивая основные свои усилия на «гнездах», не должны были игнорировать абсолютное большинство крестьянских хозяйств, в эти «гнезда» не попавших. Гнездовой метод должен был в известных пределах сочетаться с массовым. Землемеры, помимо расселения общины на выселки, должны были заниматься межселенным и внутриобщинным землеустройством (нарезка широких полос, внедрение общинных севооборотов). Агрономы были обязаны внедрять в крестьянские хозяйства новые, более продуктивные сорта семян, зоотехники – новые породы животных и т.п.

При этом большинство руководителей и специалистов сибирских земельных органов были противниками так называемого классового направления в аграрной политике, понимаемого значительной частью партийной номенклатуры как необходимость перво-

очередной помощи бедноте и отказе от таковой кулачеству. П.А. Месяцев считал, что классовое направление аграрной политики заключается в подъеме производительных сил сельского хозяйства и росте его товарности. А наиболее товарными и мобильно развивающимися хозяйствами являются зажиточные, которые к тому же имеют возможность проводить у себя более сложные и более дорогие агрикультурные мероприятия и улучшения. Поэтому «крепкое крестьянское хозяйство должно пользоваться нашей поддержкой всемерно, и всякая его травля должна быть прекращена, ибо вызовет сокращение сельскохозяйственного производства»³⁵. Что же касается беднейших слоев деревни, то вложение средств в их хозяйства нецелесообразно, поскольку не дает должного эффекта. Бедноте, по мнению заведующего Сибкрайземуправлением, свойственны иждивенчество, хозпораженчество, психология люмпен-пролетариата и поэтому помощь ей может заключаться лишь в создании выгодных условий продажи рабочей силы.

Из вышесказанного можно с высокой долей вероятности сделать вывод о том, что главными задачами, сформулированными перед сибирскими земельными органами в пятилетнем плане, были рационализация внутриобщинного землепользования при первоочередном выделении выселков и организационно-технологическая перестройка и кооперирование крестьянских хозяйств в пределах «гнезд» агрообслуживания в сочетании с массовыми мероприятиями по подъему производительных сил сельского хозяйства. Вряд ли при этом в пятилетнем плане предусматривалась дифференциация мероприятий по отдельным социальным слоям деревни.

Таким образом, в середине 1920-х гг. земельными органами Сибири была подготовлена серия перспективных планов развития сельского хозяйства, представляющих собой комплекс уникальных источников для изучения аграрно-кооперативной мысли в период нэпа. Авторы перспективных планов, руководящие работники и ведущие специалисты краевого и губернских земельных управлений разработали модель эволюции аграрного производства, основой которой были семейно-трудовые крестьянские хозяйства, объединенные в специализированные виды сельскохозяйственной кооперации. Итогом реализации данной модели должно было стать превращение края в район интенсивного молочно-мясного животноводства, имеющего преимущественно экспортный характер. В исследуемых документах предлагался «третий путь» развития сельского хозяйства, отличный как от традиционного капиталистическо-фермерского, так и от вскоре предстоящего сталинско-колхозного. Подчеркивая важное идейно-теоретическое значение перспективных планов сибирских земорганов, следует иметь в виду их методологическую вторичность по отношению к концепциям ведущих представителей российского аграрно-кооперативного социализма и прежде всего А.В. Чаянова, творчески применяемым к сибирским условиям.

Годы выхода перспективных планов (1924—1926) были временем максимального влияния концепций кооперативного социализма на аграрную теорию и практику в Сибири. Ситуация изменилась уже во второй половине 1926 г. (после отзыва из Сибири П.А. Месяцева). Под давлением партийных и советских структур региона³⁶ новое руководство Сибкрайземуправления определило в качестве приоритетных для земельных органов следующие две задачи: 1) обслуживание социалистического сектора и содействие производственному кооперированию; 2) содействие подъему и укреплению бедняцких хозяйств³⁷. На XV съезде ВКП(б), принявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства и усиление борьбы с кулачеством, сторонники аграрно-кооперативного социализма были подвергнуты резкой критике. Инициатива центра была подхвачена и в Сибири. Авторы и сторонники реализации целей перспективного плана обвинялись в проведении антипартийной линии в аграрно-крестьянском вопросе и прямом пособни-

честве кулачества³⁸. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. последовало их устранение из органов управления сельским хозяйством, а затем и политические репрессии.

¹ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. Новосибирск, 1926; Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2: Перспективный план. Новосибирск, 1926.

² Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. Омск, 1924; Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. Омск, 1924; Перспективный план развития сельского хозяйства Томской губернии. Томск, 1926; Перспективный план развития сельского хозяйства в Иркутской губернии // ГАИО, ф. 260, оп. 1, д. 1361; Перспективный план восстановления сельского хозяйства Енисейской губернии на десятилетие 1924—1933 гг. // ГАКК, ф. 50, оп. 1, д. 103.

³ Исключением являются Иркутский и Енисейский перспективные планы, в середине 1920-х гг. не опубликованные и в связи с этим не вовлеченные в научный оборот.

⁴ История Сибири. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период 1921—1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978; Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1978; Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920—1927 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; и др.

⁵ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 гг.). Томск, 1969. С. 168–177; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 112–115; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 143–144; Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 127–141; и др.

⁶ Хоробрых Ф. Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск, 1931.

⁷ См.: Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5.

⁸ Чайнов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 76–77.

⁹ ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 103, л. 17.

¹⁰ Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Труды Земплана. М., 1924. Вып. V.

¹¹ Кооперативная теория А.В. Чайнова оказывала значительное влияние не только на коммунистов, работавших в земельных органах в центре и на местах, но и на таких представителей партийной верхушки, как Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. Хорошо знаком с трудами А.В. Чайнова был и В.И. Ленин. Более того, существует точка зрения, что его знаменитая статья «О кооперации» написана под непосредственным воздействием чайновской концепции. В свою очередь, в соответствии с принятыми в Советской России правилами игры, А.В. Чайнов при обосновании своей позиции в работах середины 1920-х гг. ссылался на ленинскую статью. (См.: Чайнов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 77).

¹² Особенно активно при составлении перспективных планов сибирских земорганов использовались работы А.В. Чайнова «оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» (М., 1922; М., 1924), «Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации» (М., 1919; М., 1924), «Организация крестьянского хозяйства» (М., 1925), «Основные идеи и методы общественной агрономии» (М., 1922; М., 1924). В журнале «Земельный работник Сибири», № 6 за 1926 г. был опубликован реферат последней книги, написанный главным агрономом края И.И. Осиповым.

¹³ Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 2.

¹⁵ ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 38, л. 138об.

¹⁶ Там же, л. 22.

¹⁷ См.: Весеннее совещание губземуправлений и губагрономов Сибири (22–29 апреля 1925 г.) // Земельный работник Сибири. 1925. № 1; Протоколы 5-го Сибирского земельного совещания (1925 г.) // ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 38; Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве // Жизнь Сибири. 1925. № 5; Марковский С.С. Направление агрономической мысли Омского сельскохозяйственного общества за 1922 г. // Труды Омского центрального сельскохозяйственного общества. Омск, 1923; Максимов В.Е. Опыт отыскания оптимальных размеров поселка при расселении на выселок // Земельный работник Сибири. 1925. № 2–3; Осипов И.И. Наши задачи по реорганизации сельского хозяйства // Там же. 1925. № 1; Он же. Основные предпосылки агрикультурной политики Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 1; Он же. Пути сельского хозяйства Сибири // Там же. 1925. № 10–11; Он же. Пути сельского хозяйства Сибири // Там же. 1925. № 10–11; Розе А.М. Перспективы развития сибирского сельского хозяйства // Там же. 1925. № 2; и др.

¹⁸ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 50.

²² РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2972, л. 57об.; ГАНО, ф. 1129, оп. 1, д. 203, л. 50, 53–54, 57; ф. 1072, оп. 1, д. 213, л. 14.

²³ Котов А. Агрономические перспективы Сибири // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4.

²⁴ Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и мероприятия сельскохозяйственной политики. Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг. // Труды Земплана. Вып. 13. М., 1927. С. 51–52.

²⁵ РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2884, л. 74, 83.

²⁶ ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 213, л. 2.

²⁷ Осипов И.И. Сибирское сельское хозяйство и его перспективы. Новосибирск, 1926. С. 21.

²⁸ Статистический бюллетень. 1927. № 9–10. С. 69.

²⁹ Отложившиеся в архивах пятилетние планы конца 1920-х гг. разрабатывались на совершенно иных принципах, основными из которых были ставка на производственную кооперацию сельского хозяйства, первоочередная помощь бедноте и борьба с кулачеством.

³⁰ См.: Осипов И.И. Ближайшие задачи сибирской агропрактики // Жизнь Сибири. 1925. № 3. С. 39.

³¹ Каждый крестьянин, решивший перейти на новую организацию своего хозяйства, должен был в течение длительного времени получать квалифицированную и систематическую агрономическую и зооветеринарную помощь, а также нуждался в кредитах на приобретение семян трав, которых в Сибири было очень мало.

³² ГАНО, ф. 1072, оп. 1, д. 79, л. 14. Та же задача ставилась и в статье В.Е. Максимова «К вопросу о формах землепользования», опубликованной в журнале «Земельный работник Сибири» (1926, № 1–2).

³³ Осипов И.И. Групповой (гнездовой) метод агрономической работы // Земельный работник Сибири. 1926. № 7.

³⁴ ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 110, л. 21; ф. 847, оп. 1, д. 7, л. 120–121; д. 26, л. 78; Известия Сибкрайкома. 1926. № 4. С. 58.

³⁵ Месяцев П.А. К вопросу об объектах и методах работы земработников в деревне // Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 9.

³⁶ Требования усиления работы по производственному кооперированию и введение в планы работы земорганов мероприятий, содействующих укреплению бедняцких хозяйств, были сформулированы еще в постановлениях президиума Сибкрайисполкома от 24 февраля 1926 г. и бюро Сибкрайкома от 6 апреля 1926 г. Аналогичный циркуляр 5 августа 1926 г. был издан Наркомземом. (ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 245, л. 75; Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 4. С. 58).

³⁷ Эти задачи были подтверждены III Сибирской партийной конференцией: ГАНО, ф. П-2, оп. 7, д. 173, л. 86.

---

³⁸ См.: IV Сибирская краевая конференция ВКП(б): Стенографический отчет. Новосибирск, 1929. С. 52; Ананьев А. «Гнезда капитализма» («маленькая» поправка к гнездовому методу работы) // Советская Сибирь. 1928. 16 июня; Куликов А. О паротравополе, гнездовом методе и о подмене коллективизации кулаktivизацией // Земельный работник Сибири. 1928. № 9; Нусинов И. О «культурничестве» и коллективизации // На ленинском пути. 1928. № 5; и др.